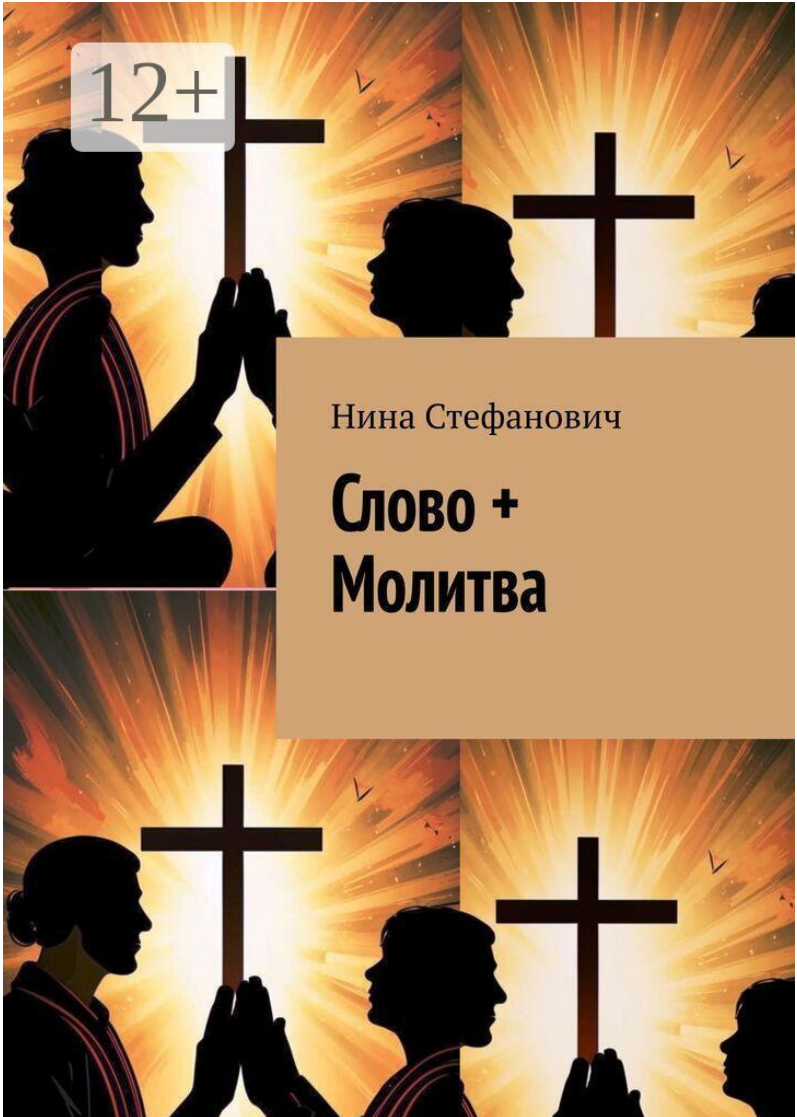

Нина Стефанович

Слово + Молитва

Нина Стефанович
Слово + Молитва

https://litres.ru/74757722
ISBN 9785007154031

Аннотация

Что происходит, когда мы перестаем просто читать Слово и начинаем им дышать? Когда наша молитва превращается в тихий разговор у камина с Тем, Кто держит вселенную. Слово — это компас, а молитва — топливо для нашего израненного сердца. Откройте эту книгу, когда у вас перехватило дыхание от боли, когда надежда почти иссякла, и позвольте Тому, Кто знает ваше имя, прошептать вам на ухо Свою историю надежды.

Содержание

Введение. Два крыла одной птицы 5
Часть I. Слово: Якорь в шторме 10
Глава 1. Слово взвешено на весах 10
Глава 2. Отец дождался 15
Глава 3. Что на твоем языке 21
Глава 4. Слово-страшное оружие 26
Глава 5. Где начинается свет 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Слово + Молитва

Нина Стефанович

© Нина Стефанович, 2026

ISBN 978-5-0071-5403-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение. Два крыла одной птицы

Вспомните самую первую птицу, что оторвалась от края скалы. Вспомните тот головокружительный миг, когда твердая опора исчезла из-под ее когтей, уступив место лишь пустоте и свисту ветра. Внизу — бездна, сотканная из тумана и страха. Вверху — недосягаемый, ослепительный купол небес. В этот миг у нее было два пути: камнем рухнуть в пропасть или довериться невидимой силе. И она выбрала полет. Но полет этот никогда не был бы возможен, если бы она расправила лишь одно крыло.

Такова и наша с вами жизнь в вере. Мы стоим на краю своей личной скалы, вцепившись побелевшими пальцами в привычный камень повседневности. Ветер перемен свистит в ушах, а под ногами разверзается бездна наших сомнений, усталости и нескончаемых «а что, если?..» И мы делаем шаг. Шаг в неизвестность, шаг в доверие. Но чтобы этот шаг не обернулся падением, нам даны два крыла. Одно — тяжелое, исписанное золотом древних строк, пахнущее кожей и веками. Другое — легкое, как дыхание, сотканное из нашего собственного шепота, слез и надежды. Слово Божье и молитва.

Попробуйте представить их поодиночке. Представьте птицу, у которой есть только Слово. Какое оно мощное, какое величественное! Это кость, это хребет, это несгибаемый стальной стержень. Это пергамент, хранящий дыхание Веч-

ности. Оно — гранитная скала под нашими ногами, незыблемый маяк в густом тумане человеческих мнений. Оно говорит: «Так говорит Господь». Оно не спрашивает нашего мнения, не ищет нашего одобрения и не меняется под порывами моды. Оно — абсолют. Мы открываем его, и вечность дышит нам в лицо. Мы читаем о расступившихся водах Красного моря и понимаем, что перед нашими проблемами тоже может лечь сухой путь. Мы читаем о Гефсиманском саде и понимаем, что наш собственный пот, смешанный с кровью отчаяния, не одинок. Слово — это направление. Это точный, выверенный до последнего дюйма чертеж Вселенной. Но, святые небеса, какая же это тоска — иметь в руках безупречный путеводитель и навсегда остаться стоять на месте! Можно досконально знать маршрут, выучить наизусть каждый километр, каждую отметку высоты, но так и не сделать ни шагу. Карта мертва, если по ней не идут. Она — истина, застывшая в чернилах, обещание, запертое в переплете. Она показывает, где находится вода, но не может утолить жажду. Она указывает на спасительный берег, но не может оттолкнуть лодку от берега. Одно крыло, каким бы сильным оно ни было, способно лишь беспомощно бить по воздуху, прибивая птицу к земле. Это буквы. Это теория веры, холодная, правильная и абсолютно неподвижная.

А теперь вообразите птицу с одним лишь крылом молитвы. Какое оно трепетное, какое живое! Это пульс, это кровь, это горячее, сбивающееся от восторга дыхание. Молитва —

это не заученный текст, это обнаженное сердце, брошенное к ногам Небесного Отца. Она не всегда изящна, она не всегда складно звучит. Иногда это просто хриплый стон посреди ночи. Иногда — одинокая слеза, скатившаяся на подушку в три часа утра, когда весь мир спит, а твоя душа кровоточит. Молитва — это неиссякаемый поток. Она — живая вода, бьющая прямо из скалы нашей жизни. Она — огонь, пожирающий плевелы наших страхов. В молитве мы не просто читаем о Боге — мы говорим с Ним. Мы хватаем Его за край одежды, мы вцепляемся в Него, как утопающий цепляется за руку спасателя. Мы спорим с Ним, как Иаков, мы бежим от Него, как Иона, мы возвращаемся к Нему, как блудный сын, чувствующий запах отцовского дома за километр. Но одно лишь это крыло, без костей и сухожилий Слова, быстро обмякнет. Эмоция выгорит. Чувство иссякнет. Ветер переменится, и птица с одним лишь трепетным крылом чувств неизбежно начнет кружить на месте, теряя высоту, пока в изнеможении не упадет в ту самую пропасть, от которой так отчаянно пыталась оторваться. Это вера-эйфория. Это бурный, но короткий всплеск, оставляющий после себя лишь мокрый песок и горечь разочарования.

Но когда они соединяются! Когда Слово становится плотью нашего шепота, а молитва — кровью, бегущей по строкам Писания, происходит чудо творения. Птица взмывает.

Мы открываем Библию не как наблюдатели, иногда сдувающие пыль с обложки, а как голодные люди, ищущие хлеб.

Мы читаем: **«Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас»**. И наше крыло молитвы тут же подхватывает эту истину. Мы не просто киваем головой. Мы выдыхаем в потолок темной спальни: «Отец, вот эта давящая забота о завтрашнем дне… она Твоя. Я больше не держу ее. Лови!» Слово дает нам право молиться, а молитва дает Слову откровение и голос.

Мы читаем о том, как Христос усмирил шторм одним лишь «Умолкни, перестань». И когда наши собственные жизненные небеса чернеют от гнева, а волны паники захлестывают борта нашей лодки, мы не просто вспоминаем этот стих. Мы вцепляемся в него пальцами и кричим в темноту: «Господи, Тот, Кто усмирил Галилейское море, усмири и мое сердце! Прикажи и моему внутреннему шторму перестать!» Слово становится нашим мечем, а молитва — силой, вкладывающей этот меч в ножны победы.

Слово — это Божье «Я люблю тебя», написанное на вечном камне. Молитва — это наше «Я люблю Тебя» и «Помоги мне», сорвавшееся с дрожащих губ. Одно без другого — лишь половина разговора. Одно без другого — лишь половина полета.

Перестаньте пытаться взлететь на одном крыле, изнемогая от бесконечного махания сухой теорией, или падая от головокружения пустой эмоциональности. Перестаньте строить из своей веры мертвую религию, или, наоборот, превращать ее в мимолетную бурю. Вы созданы для неба. Вы созданы

для высоты, где воздух чист, а горизонт не имеет конца. Расправьте оба крыла. Дайте истине Писания стучать в ваших венах, а огню вашего сердца — наполнить смыслом стихи из Библии. Взмахните ими.

Почувствуйте, как напрягаются мышцы вашего духа. Почувствуйте, как ветер подхватывает вас — тот самый ветер, который вчера пугал вас до дрожи в коленях, сегодня становится восходящим потоком под вашими перьями. Вы не падаете. Вы летите. И под вами расстилается весь мир, хоть и большой, но понятный и лежащий прямо в ладонях нашего Отца.

Часть I. Слово: Якорь в шторме

Глава 1. Слово взвешено на весах

В начале была не глина, не холодная пустота и не слепящий свет. В начале было Слово. И Творец выдохнул его в первозданный мрак, и мрак содрогнулся, расступился, облекая невидимое в плоть. Свет стал. Вода замерла в хрустальных границах. Звезды, словно серебряные гвозди, прибили темноту ночи к небесному своду. Слово — это самое первое, что создал Бог во Вселенной. Им можно высечь из небытия галактику, а можно — вырезать имя на холодном камне могильной плиты.

Мы же, наследники этого великого выдоха, и часто разменяваем его на что угодно. Посмотри на обычный вечер в обычной гостиной. Воздух наполнен запахом остывающего ужина и детского пластилина. Отец снимает тяжелые рабочие ботинки, и его плечи, весь день державшие на себе невидимые бетонные плиты, наконец опускаются. Сын, четырехлетний мальчишка с коленками, вечно украшенными зеленкой, тянет к нему изрисованный лист. На бумаге — кривое, фиолетовое солнце.

— Что это за мазня? — бросает отец, не поднимая глаз, стягивая носок. — Ты хоть старался? У тебя руки-крюки,

как у твоего деда.

Слово падает в комнату. Оно не громкое, оно даже не злое. Оно серое, как дорожная пыль. Но оно весит тонну. Мальчик замирает. Фиолетовое солнце на его рисунке внезапно тускнеет, краска на бумаге идет трещинами, и лист падает на ковер. В глазах ребенка, еще секунду назад сиявших ожиданием, зажигается крошечный, обреченный огонек понимания: я — ошибка. Я — мазня. Слово, сорвавшееся с усталого языка, стало скальпелем. Оно не оставило крови, но оно вырезало из души ребенка кусок уверенности. Оно стало оружием, и его лезвие вошло так глубоко, что отец даже не заметил раны.

А теперь вслушайся в тишину больничной палаты. За окном — ноябрь, сдирающий с деревьев последнюю кожу. На белой подушке лежит женщина. Химия выжгла из нее цвет, вес и смех, оставив лишь тонкую, почти прозрачную оболочку. Она смотрит в потолок, и в ее взгляде уже нет борьбы — только тяжелый, свинцовый расчет. Ей кажется, что она стоит на самом краю бездонной пропасти, пальцы ног уже свисают над пустотой, и сделать последний шаг ей мешает лишь привычка дышать. Она устала. Она готова разжать пальцы.

В палату входит муж. Он не приносит цветов — они здесь нелепы. Он садится на край кровати, берет ее высохшую, покрытую черными нитями вен руку, подносит к своим сухим, обветренным губам и просто говорит в ее ладонь, как в рупор, направленный прямо в небо:

— Ты — моя единственная. Если ты уйдешь, все мои мечты и устремления смоет в океан. Оставайся. Мне некуда идти без тебя.

Это слово не лечит рак. Оно не отменяет капельницу, не убирает тошноту и не возвращает выпавшие волосы. Но оно меняет гравитацию. Оно ложится невидимым, но прочным мостом над той самой пропастью. Женщина закрывает глаза, и по ее щеке, впитываясь в наволочку, скатывается одна горячая слеза — слеза не боли, но спасенного смысла. Одно доброе слово стало канатом, сплетенным из самой прочной веревки во вселенной — из любви. Оно не толкнуло ее от края, оно просто подошло сзади и крепко обняло за плечи.

Слово — это всегда выбор между молотом и любовью.

Вспомни ту ссору, когда стены твоего дома дрожали от яда. Когда летели чашки, хлопали двери, а в воздухе висели тяжелые, ранящие обвинения. Каждое «ты всегда», «ты никогда», «из-за тебя» — это отточенный метательный нож. Они впиваются в самое сердце, и вытащить их оттуда потом можно только с мясом, оставляя рваные шрамы, которые ноют к дождю. Мы швыряем эти ножи в тех, кого обещали беречь, потому что слово — самое дешевое и самое доступное оружие. Оно не требует пороха, не оставляет гильз, но убивает вернее пули, поражая не плоть, а волю к жизни. Оно ссорит семьи, разводит по разным берегам самых близких, превращая общую постель в линию фронта.

Но есть и другой закон, древний, как тот самый пер-

вый выдох. **«Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость».** И еще: «**Смерть и жизнь во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его».** Мы — то, что мы говорим. Наши слова — это семена. Брошенные в спешке, они прорастают чертополохом обид, который душит сады доверия. Брошенные с любовью, они становятся могучими кедрами, под сенью которых не страшен никакой зной. Мы — то, что мы говорим, это то, что живет в нашем сердце.

Прежде чем выпустить звук изо рта, пропусти его через сито вечности. Представь, что каждое твое слово — это птица, вылетающая из клетки губ. Выпустишь ворона — он выклюет глаза надежде. Выпустишь голубя — он принесет в клюве оливковую ветвь мира.

Твоя фраза, брошенная в сердцах жене, может стать ржавым капканом, в котором она проведет остаток жизни, боясь любить. А может стать единственным хлебом, который не даст ей умереть от голода по нежности. Твой резкий окрик сыну может стать стеной, о которую он будет разбивать свой лоб до сорока лет, пытаясь доказать, что он чего-то стоит. А может стать ветром в его паруса, который погонит его к великим берегам и победам.

Слово — это дыхание, обретшее вес. Выдохни жизнь, помоги кому-то. Подойди к тому, кто стоит на краю, и не толкай его. Просто скажи: «Я здесь. Держись за мою руку». И эта хрупкая, сотканная из воздуха фраза удержит его над без-

дной крепче стального троса. Ибо в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. И мы, созданные по Его образу, до сих пор держим в своих ртах ту самую первозданную, страшную и великую силу. Мы утешаем не тогда, когда находим правильные цитаты. Мы утешаем, когда становимся воплощением этих цитат. Когда наш глиняный сосуд, готовый в любой момент треснуть от собственной слабости, становится каналом. Мы утешаем, когда добровольно садимся в чужую лодку, которая идет ко дну, и просто вычерпываем воду вместе, не пытаясь на словах приказать шторму утихнуть.

Глава 2. Отец дождался

Стерильный свет больничных ламп резал глаза, привыкшие к дрожащему пламени коптилок в землянках и багровому зареву над позициями. Воздух здесь пах не порохом, гарью и едким потом, а хлоркой, формалином и той особенной, звенящей пустотой, которая всегда поселяется в коридорах между жизнью и смертью. Молодой человек, чья выцветшая полевая форма висела на нем мешковато, а костяшки пальцев были сбиты, стоял у поста дежурной. Его плечи, привыкшие носить на себе вес пулеметной ленты и умирающих товарищей, сейчас казались неестественно ссутуленными.

Мягкий стук подошв по линолеуму. Медсестра, чья улыбка казалась слишком яркой для этого мертвенно-белого царства, остановилась рядом.

— Он вас очень ждет, — прошептала она, и в ее голосе не было вопроса, только тихая, обреченная констатация факта. — Пройдите за мной.

Она вела его по бесконечному лабиринту линолеума, мимо закрытых дверей, за каждой из которых билась чья-то последняя боль. Палата номер четырнадцать. Дверь открылась с глухим вздохом, впуская его в полумрак, пахнущий старым деревом, увядающими цветами и приближающимся дождем.

На высокой, застеленной хрустящей простыней койке ле-

жал старик. Его лицо напоминало пересохшую, растрескавшуюся землю после долгой засухи — глубокие морщины залегли от крыльев носа к ввалившимся губам, а кожа приобрела тот желтовато-восковой оттенок, который не спутать ни с чем. Седые, почти прозрачные волосы разметались по подушке, как первый, случайный снег. Но глаза… Глаза жили. Они были огромными на иссохшем лице, и в их влажной, младенческой синеве плескалось такое нетерпеливое, звенящее ожидание, что у солдата перехватило дыхание.

Старик медленно, преодолевая свинцовую тяжесть собственного тела, повернул голову. Увидел тяжелые армейские ботинки, пыльную куртку, шрам на левой скуле. Его сухие, похожие на птичьи лапки пальцы дрогнули на сером одеяле.

Она наклонилась к мужчине и произнесла:

— Ваш сын здесь.

Ей пришлось повторить это несколько раз, прежде чем глаза больного открылись.

— Сынок… — выдохнул он, и это слово прозвучало не как обращение, а как долгожданный глоток воды в пустыне. — Я ждал тебя.

Он протянул руки. Молодой человек замер лишь на долю секунды. Он посмотрел на эти узловатые пальцы, на капельницу, хищной змеей тянувшуюся к тонкой вене, на старенький, потертый на сгибах бумажник, сиротливо лежащий на тумбочке. А затем сделал шаг. Он опустился на жесткий больничный стул, и пружины под ним жалобно скрипнули,

словно простонал весь этот уставший мир.

Он взял эти руки в свои. Свои — огрубевшие, привыкшие сжимать сталь цевья и рукоять ножа, и его — невесомые, почти бесплотные. Ладони старика были ледяными. Солдат обхватил их, зажав между своими горячими, дрожащими от усталости ладонями, пытаясь согреть. Так, без единого слова, они просидели всю ночь.

Для солдата эта ночь стала странным, вывернутым наизнанку караулом. Он не охранял покой старика от внешней угрозы. Он охранял его от Великого Молчания, которое уже дышало в приоткрытую форточку. Он чувствовал, как под его пальцами медленно, неохотно уходит жизнь, похожая на последние капли воды из опрокинутой фляги. Старик то проваливался в тяжелое забытье, то снова открывал глаза, натыкался взглядом на лицо молодого человека и слабо, благодарно улыбался. Солдат говорил за них обоих. Он рассказывал ему о том, как пахнет мокрая степь перед рассветом, как поет ветер в колючей проволоке и какого пронзительно-синего цвета бывает небо над позициями, когда перестает выть артиллерия. Он отдавал этому чужому человеку часы своего единственного отпуска, сжимая его руки каждый раз, когда приборы начинали тревожно пищать, удерживая его душу здесь, в хрупкой оболочке тела, своим простым, молчаливым присутствием.

Лишь однажды, в глухой предрассветный час, когда за окном заплакал первый осенний дождь, старик с трудом раз-

лепил губы. Шрам на его душе никуда не делся, он просто покрылся тонкой коркой. Но в ту ноябрьскую ночь ржавчина на моем словесном клинке отвалилась, и он впервые стал инструментом не убийства, а исцеления. Мы утешаем друг друга не громкими декларациями о том, что «всё к лучшему». Мы утешаем, принося в промерзший дом другого человека крошечный уголек своего тепла и просто отказываясь уходить, пока за окном не стихнет ветер. **«Близок Господь к сокрушенным сердцем»,** и порой Он приходит в нашу кухню, надевая лицо нашего друга, который просто молча держит нас за руку посреди ледяной тьмы.

Время от времени медсестра предлагала ему поехать домой отдохнуть. Он неизменно отказывался.

— Я так боялся уйти в темноте. Совсем один. Ты, сынок теперь такой большой, мужественный, я горжусь тобой.

— Вы больше не один, — тихо ответил солдат, поправляя сбившееся одеяло. — Я здесь.

Утром в палату вплыло солнце, разрезав полумрак золотом. Дверь снова скрипнула. На пороге стояла та же медсестра. Она окинула взглядом сцепленные руки, бледное, но умиротворенное лицо старика и покрасневшие от бессонницы глаза солдата.

— Ваш отец… — начала она, и ее голос дрогнул, сорвавшись на счастливый, облегченный всхлип. — Ваш отец наконец-то вас дождался. Он умер без страха. Посмотрите, какое у него спокойное лицо.

Солдат медленно разжал пальцы. Руки старика безвольно упали на одеяло, и в палате стало оглушительно тихо. Он посмотрел на медсестру, затем перевел взгляд на умиротворенное, разглаженное смертью лицо незнакомца.

— Это не мой отец, — ровно ответил он. Голос его был хриплым от долгого молчания, но абсолютно твердым.

Медсестра непонимающе моргнула.

— Но… он всю ночь звал вас. Он говорил, что его мальчик на войне.

— Я хотел, чтоб на моем месте был его сын, — солдат встал, и стул за его спиной издал короткий деревянный вздох. — И у меня не было отца. Я просто… не мог оставить его одного.

Он поправил воротник своей куртки, закинул на плечо вещмешок и шагнул к двери. На пороге он обернулся. Он подумал: «**Был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня… истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Матфея 25:35—36, 40).**

— Я знал, что произошла какая-то ошибка, но, когда я увидел его, как он был болен, нуждался и ждал своего сына, которого не было рядом, я не смог сказать, что я не его сын. Я ему был очень нужен.

Солдат кивнул уже неподвижному телу, словно отдавая честь, и тихо прикрыл за собой дверь. В коридоре пахло

хлоркой. А на его ладонях до самого вечера, до самого поезда домой, казалось, всё еще горел призрачный, спасительный холод чужих пальцев. Он шел по линолеуму, унося с собой не память о родстве, а тяжелый, светлый груз исполненного долга перед Тем, Кого навестил этой ночью в палате номер четырнадцать.

Мы не сможем помочь всем и повсюду, но мы можем помочь кому-то, кто где-то рядом, кто нуждается в поддержке и добром слове.

Глава 3. Что на твоем языке

Утро в мастерской Создателя всегда пахнет свежей стружкой, и старым деревом. Он не любит суеты. Он берет в ладони комок еще теплой, податливой глины, из которой только вчера вылепил очередного мальчишку с вечно сбитыми коленками, и вдыхает в него жизнь. Легкие распускаются, как паруса, диафрагма натягивается, как кожа на барабане, а в горле, прямо за кадыком, Он прилаживает маленький, но бездонный колодец. Этот колодец — источник человеческого голоса.

По замыслу, он должен быть прозрачным, как вода в галилейских ручьях. Вода, которая утоляет жажду, смывает дорожную пыль с уставших ног и заставляет полевые лилии тянуться к солнцу. Когда человек открывает уста, из этого колодца должна изливаться благодать. Слова, похожие на теплый хлеб, разломленный в дороге для голодного попутчика. Слова, подобные елейному маслу, которым в домах умащали ноги уставших странников. Слова, которые ложатся на кровоточащую душу, как прохладный компресс, и тихо шепчут: «Ты не один. Ты всё еще Мой».

Но Мастер знает, что случится дальше. Он знает, что между Его чистым источником и нашими губами мы выстраиваем ржавые, гнилые трубы.

Мы сами тянем их от нашего родника к городской свал-

ке. Мы соединяем их с отстойниками чужого раздражения, собственной зависти и цинизма. Мы бросаем в свой колодец ржавые гвозди сарказма, битое стекло сплетен и липкую, черную смолу осуждения.

И вот наступает полдень. Уставший муж переступает порог дома. Его день был похож на изнурительный бег по колючему терновнику. Его плечи опущены, а в глазах пустота. Он ищет не отчета о неоплаченных счетах, не ворчания о незакрытой крышке унитаза и не острого, как бритва, замечания о его неуклюжести. Его пересохшая душа ищет в нас тот самый галилейский ручей.

Но мы открываем рот. И вместо живой воды из проржавевшей трубы вываливается комок слизи.

— Я же говорила, что ты не справишься.

Слово падает на пол мастерской тяжелым, мокрым комом грязи. Оно не впитывается. Оно растекается, отравляя воздух на долгие времена.

Или вот сестра, которая сегодня похоронила свою надежду. Она приходит к нам, и ее сердце — это открытая, пульсирующая рана. Ей нужен бальзам. Ей нужно, чтобы кто-то просто сел рядом в темноте и не зажигал безжалостного света.

А мы, натаскавшись по помойкам интернета, выуживаем самый гнилой плод.

— А я так и знала. Нечего было и пытаться. Сама виновата.

Это не просто звук. Это крюк, который с влажным, тошнотворным хрустом впивается в самую нежную ткань ее веры и тянет, тянет вниз, в липкую трясину стыда. Гнилое слово — это всегда воровство. Оно крадет у слушающего право на завтрашний день. Оно ворует у него кислород. Оно оставляет после себя лишь выжженную пустыню там, где должен был цвести сад.

Посмотрите на свои слова со стороны. Оставьте на минуту их смысл, прислушайтесь к их глубине. Гнилое слово имеет вес. Оно падает из губ, как дохлая птица. Оно не летит, оно плюхается. Оно пахнет застоявшейся водой и серой. Оно оседает на мебели липким налетом, который не оттереть никакой бытовой химией. Оно остается висеть в комнате невидимым смогом еще долго после того, как звук затих. Оно не строит мосты, оно возводит между людьми бетонные стены, холодные и глухие.

А теперь представьте другое. Представьте, что мы берем гаечный ключ. Представьте, что мы лезем в собственное горло, срываем эти гнилые, заросшие мхом трубы и с лязгом сбрасываем их в овраг. Мы спускаемся на самое дно своего колодца и вычищаем оттуда всю накопившуюся тину. Вытаскиваем оттуда старые обиды, выбрасываем прогорклые шутки, выметаем паутину злых подозрений. Мы берем ведро, опускаем его в самый центр Божьего источника и зачерпываем.

И когда к нам снова приходит тот самый уставший муж,

мы не бросаем в него грязь. Мы протягиваем ему чашу.

— Я вижу, как ты вымотался. Иди сюда. Я так рада, что ты просто вернулся.

Это слово не падает. Оно парит. Оно обволакивает его плечи невидимым шерстяным пледом. Оно не решает проблему с неоплаченными счетами, но оно решает проблему с его сломанным духом.

Когда к нам приходит та самая сестра с открытой раной, мы не сыплем на нее соль чужого высокомерия. Мы капаем на ее шрам чистое масло.

— Мне так жаль. Я просто посижу здесь с тобой в темноте. Мы пройдем через этот мрак вместе.

Это слово становится для нее костылем. Оно не возвращает ей утраченное, но оно возвращает ей Того, Кто держит ее за правую руку.

Каждое наше слово — это либо кирпич в стене отчуждения, либо раствор, скрепляющий храм. Оно — либо плесень на хлебе жизни, либо сам хлеб. Оно — либо ржавчина, разъедающая доверие, либо благодать, восстанавливающая его из праха. Господь не просит нас стать великими ораторами. Ему не нужны наши витиеватые речи и богословские трактаты, от которых ломит зубы. Он просит нас быть простыми водоносами. Чистыми трубами. Чтобы всякий, кто подошел к нам умирающим от духовной жажды, мог напиться. Чтобы слово, слетевшее с нашего языка, не обжигало, а укутывало. Чтобы оно доставляло благодать. Чтобы после разговора с

нами человек чувствовал себя не униженным, а назидаемым в вере. Чтобы он выпрямлял спину, делал глубокий вдох и понимал: в этом темном, скрипящем на ветру мире он только что побывал в тихой, безопасной гавани.

Выбросьте ржавые трубы. Зачерпните живой воды. Ваши слушатели умирают от жажды.

Глава 4. Слово-страшное оружие

Ноябрь не просто остудил воздух, он содрал с города кожу, обнажив голые ребра арматуры и сизые вены асфальта. Ледяной ветер, рожденный где-то в полярных пустошах, не дул — он вгрызался в горло, сдирал кожу с лица и норовил вывернуть душу наизнанку. Я стояла на продуваемом всеми сквозняками перекрестке, и этот ветер был точным слепком того, что творилось у меня внутри.

За час до этого телефонная трубка в моей руке стала свинцовой. Голос на том конце провода не плакал. Плач — это вода, у него есть границы. Голос моей знакомой просто трескался, как пересохшая земля в августе. Сухая, ломкая скорлупа, под которой зияла абсолютная, звенящая пустота. Ее младшая дочь, светловолосая девочка, которая еще вчера рисовала на запотевшем окне смешных котов, внезапно сгорела от менингита за сорок восемь часов. Сгорела, как оплывает свеча, оставляя после себя лишь лужицу воска и черный фитиль. «Его больше нет, — сказал мне голос. — Бога. Или Он спит. Или Ему плевать».

И ветер снаружи подхватил эти слова, закружил их в ледяном вальсе и швырнул мне в лицо. Я села в маршрутку. Что делать? В мире, где умирают дети, любые слова кажутся несносными и недостаточными.

Я приехала к ней, когда сумерки уже начали синеть, пре-

вращаясь в густую, чернильную ночь. Ее квартира пахла бедой. Этот запах ни с чем не спутаешь: он пахнет остывшим кофе, горечью валерьянки и тем особым, звенящим холодом, который оставляют после себя ангелы смерти. Мы сидели на кухне. Она — прямая, как натянутая струна, с пустыми глазами, смотрящими в черное стекло. Я — напротив, сжимая в кармане куртки пачку одноразовых салфеток. Тишина была такой плотной, что ее, казалось, можно резать ножом. Она давила на барабанные перепонки, требуя заполнить себя хоть чем-то.

И тогда я совершила преступление против утешения. Я открыла рот. Слово — страшное оружие. В наших руках оно бывает ножом, входящим в рану. Им мы рубим наотмашь, когда пытаемся залечить чужую ампутацию своим пластырем.

— Она в лучшем мире, — просипел я. — Время лечит. Так было нужно для испытания.

Каждое слово падало на стол, как кусок льда. Она даже не повернула головы. Мои фразы были клинком, который я пыталась вонзить в ее открытую, пульсирующую рану. Я говорила библейские истины, но без Духа они — лишь мертвая буква, тяжелая плита, которой придавливают могилу. Я метала в нее эти камни, пытаясь построить стену между ним и ее горем, и лишь глубже вдавливала осколки в ее сердце. Я хотела отсечь ее боль, но вместо этого только дробила ее кости.

И вдруг я поняла. Я опустила свой ржавый клинок. Я наклонилась к ней через липкий от чая стол, поймала ее взгляд, в котором плескалось безумие, и сказала всего одну фразу. Тихо. Почти на выдохе:

— Я здесь. Я не знаю, где был Бог в ту секунду, когда она закрыла глаза. Но я здесь, в этой секунде, с тобой. Я не буду забирать твою боль. Я просто посижу с тобой столько, сколько надо.

Слово сменило форму. Из ржавого клинка оно превратилось в глиняный сосуд.

Я не спасла ее. Я просто стала проявлять любовь к ней. Я легла рядом с ней на дно. Я взяла ее безвольную руку — она была холодной, как у покойника, — и просто накрыла своей. Я не говорила о вечности. Я принесла вечность в ту минуту своим присутствием. Я сидела там три часа. Мы не сказали больше ни слова. Я просто дышала с ней в унисон, слушая, как за окном воет холодный ветер, и молилась той самой молитвой, у которой нет слов — молитвой стиснутых зубов и горячих ладоней.

Слово как оружие убивает, когда мы пытаемся им объяснить тайну. Оно отсекает надежду, потому что наша логика — это карлик, стоящий у подножия Эвереста Божьего промысла. Но слово как поддержка — это елей. Оно не объясняет. Оно просто течет: «Смерть и жизнь во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его».

Глава 5. Где начинается свет

Мои пальцы сегодня дрожат. В ладони зажато письмо. Обычный листок, сложенный неумелыми, но бесконечно родными руками. Письмо шло к нам долго, петляя по разбитым дорогам, прячась в полевых сумках связистов, трясущихся в транспорте по грязи. Я прячу конвертик за пазуху, прижимая его к сердцу, туда, где под шинелью и гимнастеркой бьется уставшая, но все еще живая надежда. Отворачиваюсь от ветра, суюсь лицом в воротник, пахнущий потом, и подношу листок к самым глазам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.